

Звезда Большого театра Елена Манистина — в интервью «Газете»

«Пласидо Доминго дышит вместе с певцом»

Одной из самых заметных героинь гастролей оперной труппы Большого театра в Лондоне оказалась Елена Манистина, обладательница мощного голоса и незаурядного артистизма. Любимцей оперной Москвы она стала с первых шагов на столичной сцене. Ее Дуэнья, Бабуленька в «Игроке», миссис Куикли в «Фальстафе», Прециозилла в «Силе судьбы» — воплощения неукротимой карнавальной стихии, меняющей ход событий по своему усмотрению. После этих гротескных образов Манистина с успехом предстала в Лондоне в новом для себя амплу роковой романтической красавицы Марины Мнишек. О своих музыкальных и театральных пристрастиях певица рассказала корреспонденту «Газеты» Ярославу Седову.

Какие героини вам ближе: авантюрно-комические вроде Дуэньи, героико-романтические вроде Азучены в «Трубадуре» или такие вот светские львицы вроде Марины Мнишек?

Роль роковой красавицы для меня не очень характерна, но я люблю эксперименты, где могу открыть в себе неожиданные черты. Я вообще увлекающийся человек. Вот промелькнет идея: «Может быть, мы вас пригласим спеть то-то и то-то» — и я уже взволнована, как будет то, а как это. Нет ничего хуже такого волнения. Я вообще не люблю строить абстрактные планы, боюсь, как бы мечты не разрушили будущее. Самое лучшее — когда есть конкретная работа и я ею поглощена.

Марину Мнишек я впервые спела в прошлом сезоне в Париже. Не думала, что могу это сделать. Я пела ключницу Амелфу в «Золотом петушке» в театре «Шатле» со знаменитым дирижером Кентом Нагано, которого я очень люблю. На нашем спектакле был Юг Галь, директор Парижской оперы, который пригласил меня на прослушивание.

Я отнеслась к этому спокойно: мы участвуем во множестве прослушиваний, но, даже когда хорошо поешь, далеко не всегда получаешь приглашение на работу. А тут произошло нечто

очень редкое: когда я спела, Галь подошел и спросил: «Как вы считаете, в чем вам лучше дать дебют в Парижской опере — в роли Азучены в «Трубадуре» или Марины Мнишек?» Я попросила «Трубадур», тем более что он был раньше. После него спела Марину, теперь готовлюсь к роли Ульрики в опере «Бал-маскарад».

В парижском «Борисе Годунове» мне помогло то, что там оказались все «свои»: дирижер Александр Ведерников, Ольга Бородин, певшая Марину в первом составе, тенор Роман Муравицкий из Большого. Опера шла в редакции Ламма, а не Римского-Корсакова, как в Большом. Но, разумеется, этот опыт мне очень помог. А главное, на что я ориентировалась, когда готовилась к выступлению в «Борисе» Большого, — аудио- и видеозаписи Ирины Константиновны Архиповой.

Что именно в ее манере пения вам близко, почему вы в свое время постарались поступить в Московскую консерваторию именно в ее класс?

Мои родители — певцы, я с детства слушала много оперных записей, и пение Архиповой мне было очень близко: послушав ее, мне было удобно петь самой. В юности, когда идет становление, формирование го-

лоса, очень важно, кого ты слушаешь: это настройка, влияющая на работу твоего вокального аппарата. Когда слушаешь такое правильное пение, как у Архиповой, настраиваешься на верные ощущения и приемы. Таким образом, я училась у нее заочно. А потом приехала к ней на мастер-классы, услышала, как она занимается, сама у нее позанималась и очень рада, что в итоге смогла работать непосредственно с ней.

А как возникло ваше сотрудничество с Пласидо Доминго?

Мы познакомились в 2000 году на конкурсе «Опералия» в Лос-Анджелесе, который Доминго учредил и проводит. После первого же тура он подошел ко мне, высказал одобрение, пожелания успехов. Премии я тогда не получила, зато мне предложили спеть в Лос-Анджелеской опере партию голоса матери Антонио в «Сказках Гофмана» Оффенбаха. Роль маленькая, но такая красивая, там потрясающее трио с сопрано и баритоном. Мне очень долго не да-

вали визу, и я приехала за два дня до премьеры, не пела даже генеральную репетицию. Но они так хотели, чтобы я выступила, что пошли на это, я вышла сразу на премьеру. Андреа Рост пела Антонию, Алан Хелп — Линдорфа. Потом я пела в Лос-Анджелесе Азучену в «Трубадуре», а теперь меня пригласили на роль принцессы Буйонской в «Адриенне Лекуврер».

Что вы пели вместе с самим Доминго?

На первом конкурсе он дирижировал оркестром на первом туре и во время третьей арии Далилы стал подпевать мне прямо из-за пульта фразы партии Самсона. Когда он дирижирует, петь очень удобно: он дышит вместе с певцом. Арию Сантуццы я всегда пела через некое преодоление, а с ним впервые чувствовала себя свободно. Потом я второй раз участвовала в его конкурсе. Еще меня приглашали в Лос-Анджелес страховать Елену Зарембу в «Бале-маскараде» и Елену Образцову в «Пиковой даме», я пела с Доминго репетиции этих

спектаклей. И вот через пару лет, когда моей дочери было три месяца, мне звонят: «В Москву приезжает Доминго с сольным концертом, хочет спеть с вами сцену Графини из «Пиковой дамы». Я сначала ответила: «Ой, что вы, не могу...», а потом подумала: а почему же, собственно, не могу — сцена-то небольшая. Пришла, порепетировали, и он говорит: «А может, ты еще в этом концерте что-то соло споешь?» И я спела третью арию Далилы.

А до какого срока беременности вы продолжали петь?

На втором месяце я поехала во Францию петь Любашу в «Царской невесте». На пятом месяце между спектаклями той же «Царской невесты» умудрилась еще петь туры на конкурсе в Кардиффе. А летом на шестом месяце летала в Северную Корею на концерты. После этого Нагано пригласил меня в Японию на «Реквием», но я почувствовала, что уже хватит.

Видимо, быть вашей дочерью-певицей?

Да, ей два с половиной года, и она уже заявила бабушке, что будет певицей, как мама. На спектакли я ее еще не вожу. Но успех она уже ощутила. Когда ей было шесть месяцев, мне пришлось взять ее с собой на гастролы в Ригу: мы возили туда «Дуэнью» с театром Станиславского. Мой муж — тенор Сергей Балашов — тоже был занят в этом спектакле. Он — на сцену, я — с ней, я — на сцену, он — с ней. Но к финалу она так развозмущалась, что никто не мог ее унять. Пришлось взять ее с собой на поклонны. И получилось очень забавно: только что Дуэнья окрутила Мендосу, закончили любовным дуэтом, а к поклонам — уже ребенок.